П 29
34

22

ОГИЗ МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ 1931

ПИОНЕР

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

1. БОЛЬШЕВИСТСКИЙ УРОЖАЙ Б. Ивантер 2
2. ПЕТЯ ГОРДЮШЕНКО Ю. Либединский 5
3. ТРЕТИЙ БРЕМСБЕРГ Поливанов 7
4. КОГДА ЗАМОЛЧАТ БЫРЕ Л. Бочин . 9
5. РВАНАЯ СПЕЦОВКА Н. Лабковский 12
6. ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ Евг. Симонов . . 14
7. БАРАБАН ЗА БАРАБАНЫ Н. Арсен 16

Художники: В. КОНСТАНТИНОВ, Г. БЕРЕНДГОФ, Я. ТАЙЦ

Обложка В. Константинова

ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА

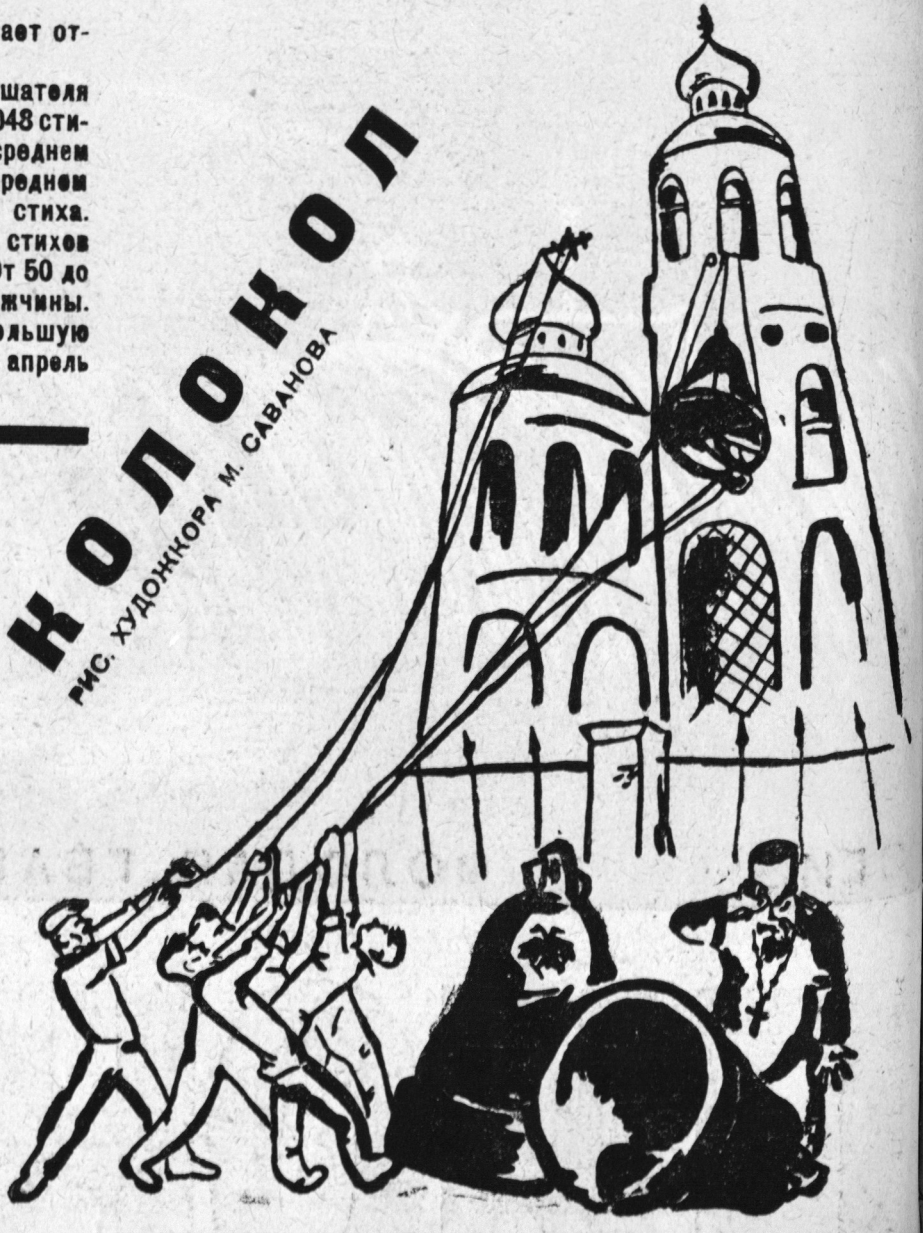
В штате Нью-Йорк, в городе Бронксе, полиция вместе с начальником местной школы вломилась в квартиры двух рабочих и арестовала двух ребят 13 лет за то, что они пикетировали 1 Мая у своей школы и призывали товарищей участвовать в демонстрации. Детский суд в Бронксе приговорил обоих к недельному заключению в исправительном доме.

30 апреля в Нью-Йорке, в общественной школе № 19, были арестованы девочка 14 лет Этель Залюс и мальчики 16-17 лет Джек Клайд, Лео Денгелов, Соломон Леофровиц, Дэвид Перишли и Якоб Купер за то, что они раздавали у себя в школе листовки, призывающие ребят забастовать и принять участие в демонстрации. 1 Мая после столкновения с ребятами начальник школы вызвал полицию.

ПОБЕДЫ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Библейское общество в Чикаго дает отчет о своих успехах:

„За осенний семестр 693 слушателя дневных школ выучили наизусть 30 048 стихов из библии, 392 женщины — в среднем по 43 стиха и 301 мужчина — в среднем по 45. Одна женщина заучила 293 стиха. Один мужчина — 210. Больше 100 стихов заучили 21 женщина и 27 мужчин. От 50 до 99 стихов — 121 женщина и 74 мужчины. Вечерние школы также показали большую успеваемость“ (Американ, Меркюри, апрель 1931 г.).



КОЛОКОЛ

РИС. ХУДОЖНИКА М. САВАНОВА

Эй!
Сторонись, сторонись!
Струною напрягся трос.
Тяните!
И колокол вниз
Веревками спутанный сполз.
Пять их лежат застыв,
И нет никаких чудес,
И кажется:
Это святых
Люди стащили с небес.
Сердце забилось вдруг;
Парень на купол залез
И ловким движением рук
Петлю накинул на крест.
Сотни пружинистых тел,
На миг напряглась толпа,
И крест золотистый слетел,
В искристой пыли пропав.
Море людей и знамен,
Море смеющихся лиц,
Десятки безбожных колонн
Мимо собора прошли.

Детюр М. Амельянов

Башкирия.

К борьбе за рабочее дело — будь готов!

№ 22 АВГУСТ 1931

ПИОНЕР

БОЕВОЙ И СТАРЕЙШИЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ПИОНЕРОВ И ШКОЛЬНИКОВ

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

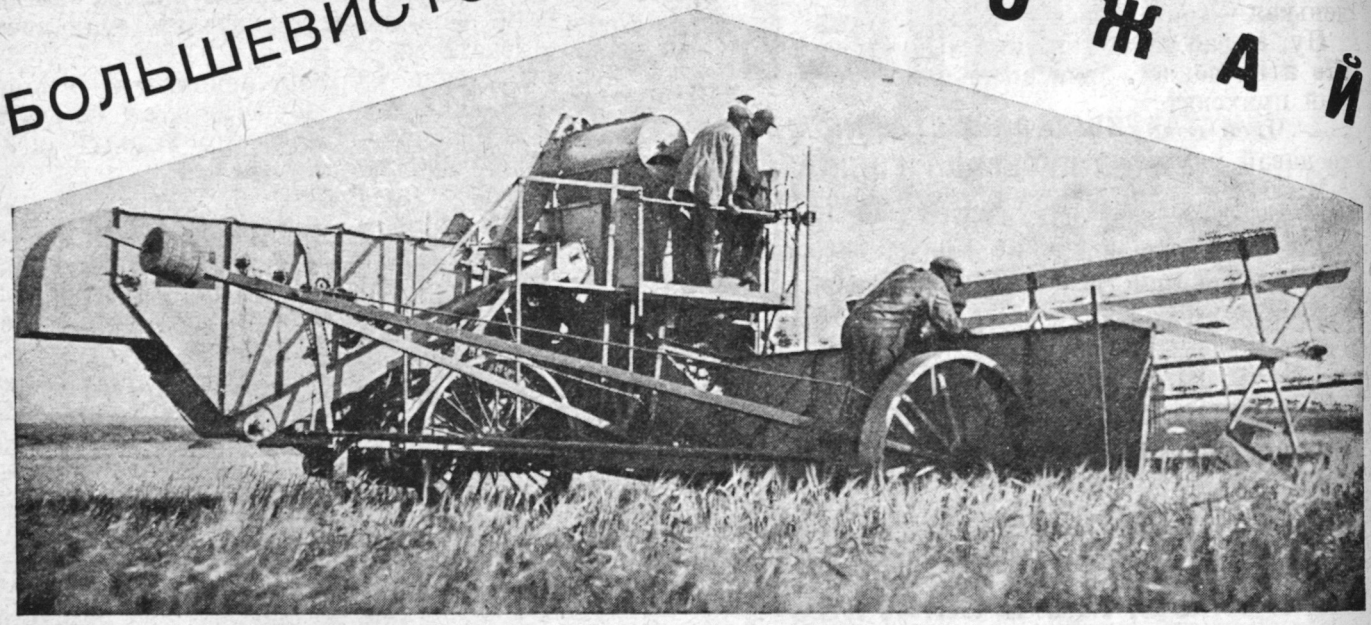
(Восьмой год издания)

Ответственный редактор РЕДКОЛЛЕГИЯ

Ангр. 1931 год
Акт № 13-461

УДАРНИКИ ДНЕПРОСТРОЯ: лучшие ударники-плотники СЫЧЕВ и СМИРНОВ

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ УРОЖАЙ



Б. Ивантер

В БОЕВОЙ ПОРЯДОК

Борьба за большевистскую весну еще не кончилась, и уже началась борьба за большевистский урожай.

Она должна была начаться еще зимой, вместе с плугами должны были пойти в ремонт жатки, вместе с сеялками—молотилки и сноповязалки.

Волна урожая начинается с юга. На юге желтеет пшеница, северней наливается рожь и кустится овес. Урожай, как пожар, охватывает всю страну. Его нужно встретить в полной готовности. Уборка может начаться завтра, и как на пожар должны быть готовы и блестеть начищенные машины и сытые лошади.

ПРИ ПЕРВОМ СИГНАЛЕ ЛЮДИ ДОЛЖНЫ СРАЗУ ВЗЯТЬСЯ ЗА РУЛЬ, ДЕРНУТЬ ВОЖЖАМИ И ПОЛНЫМ ХОДОМ ДВИНУТЬСЯ НА ПОЛЯ.

ГОТОВЫ ЛИ МЫ?

Машины должны быть отремонтированы. Я вспоминаю начало весеннего сева и внезапную проверку одного колхоза.

— У нас все готово,—говорило правление,— хоть завтра на поле. Плуги у нас с прошлого года остались целые, лемеха блестят, как будто вчера пахали,—смазать и ехать.

После проверки оказалось, что смазать нужно было руководителей колхоза, а с плугами ехать в кузницу—точить лемеха и чинить отдельные части.

Сеялки стояли, как будто с прошлой весны и никто их не трогал, а перед севом—бац, нет семеприводов, а куда они ушли—неизвестно.

НЕОТРЕМОНТИРОВАННЫЕ МАШИНЫ ПЕРЕД УБОРКОЙ—ВСЕ РАВНО, ЧТО ОРУДИЯ, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ ОТВЕЧАТЬ, КОГДА ГРЕМЯТ УЖЕ НЕПРИЯТЕЛЬСКИЕ БАТАРЕИ.

Люди, по вине которых наши орудия молчат,—предатели нашего дела. В наших рядах, в рядах многомиллионной армии колхозников, есть замаскированные враги.

Кулаки и кулацкие подпевалы иногда пробираются к нам и даже проникают в руководство. Об этом нужно помнить все время, все время быть на-чеку.

Каждый пионер, если машины не готовы, должен писать об этом сейчас же в районную газету, в райколхозсоюз, в райРКИ и вместе с комсомольцами, с учительницей, с активом деревни развешивать плакаты об опасности, которая грозит урожаю.

Например:

У меня сломано колесо,
Никто меня не чинил.
Я не готова к работе,
Виноват хозяйственник Двойнов.
Молотилка

Верно: бригада школьников.

Такими летучками должны быть увешаны стены домов, стволы деревьев, двери кооператива.

Энергичные ребята конечно справятся с таким делом, а растяпы—нет.

ЗАЧЕРКНУТЬ УРАВНИЛОВКУ — ЗАВОЕВАТЬ СДЕЛЬЩИНУ

КТО БОЛЬШЕ И ЛУЧШЕ РАБОТАЕТ, ТОТ БОЛЬШЕ ПОЛУЧАЕТ, КТО НЕ РАБОТАЕТ, ТОТ НИЧЕГО НЕ ПОЛУЧАЕТ.

Так говорил Наркомзем Союза т. Яковлев на VI съезде советов. Так же решил VI съезд.

Было решено, что все колхозы перейдут на сдельщину. Каждый колхозник при дележе урожая получит столько, сколько он выработает.

Для этого нужно точно учесть, кто сколько сработал, и установить такой порядок, при котором можно было бы все это учесть.

Раньше бывало так: работают все, и никто ничего не учитывает, а урожай делят по едокам: у кого большая семья — тому много, у кого маленькая — тому мало.

Ну, а работали так: кто выйдет на работу, а кто и не пойдет, дома просидит, а получать урожай приходит.

— Член я колхоза или не член? Если член — го давай мне мою долю.

Мы называем такое распределение урожая кулацкой уравниловкой.

Уравниловкой потому, что она всех равняет — и лодыря и ударника, а кулацкой потому, что уравниловка выгодна кулаку.

В некоторых колхозах делали так: выходит колхозник на работу, против его фамилии ставят палочку: Иванов — 1.

Потом все палочки складывали и делили стоимость урожая на количество палочек.

Урожай стоил 1 тыс. руб., палочек-дней было 500, значит каждый день-палочка стоил 2 руб., и колхознику выдавалось урожаем или деньгами столько палочек, сколько стояло против его фамилии.

Это было лучше, чем уравниловка, но все-таки плохо. Один колхозник работал хорошо, вспахал $1^1/_2$ га в день, другой у межи на солнышке грелся и вспахал всего $^1/_2$ га, а обоим записано по дню.

Верно ли это?

МЫ ДОЛЖНЫ ЗАЧЕРКНУТЬ ПОДЕНЩИНУ ТАК ЖЕ, КАК ЗАЧЕРКИВАЕМ УРАВНИЛОВКУ

Мы вводим сдельщину, оцениваем стоимость каждой работы. 1 га вспашки стоит трудодень, если вспахал $1^1/_2$ га — получай $1^1/_2$ трудодня.

Таким образом ударник получает больше, а лодырь получает мало или совсем ничего.

Борьба за сдельщину трудна. По всем дорогам, перекресткам расползаются кулацкие слухи о крепостном праве в колхозах.

Наши ребята, школьники и пионеры, не всегда умеют дать отпор этим слухам, разъяснить, что такое сдельщина и какие преимущества она дает ударникам, настоящим строителям социалистического хозяйства.

Весной многие колхозы приняли сдельщину, а провести ее в жизнь по-настоящему не смогли, поэтому сейчас одно из самых важных дел — организация сдельщины.

Здесь очень много могут сделать пионеры и школьники. Вместе с учителем или вожатым они могут отмерить поля и разбить их на участки, чтобы колхозник или бригада колхозников, скосив участок, знала точно, сколько гектаров она скосила и сколько трудодней им запишут.

Нужно переписать и вывесить на видных местах нормы выработки и оценки работ в трудоднях.

Вместе с учителем или агрономом нужно нарисовать большой план колхозных полей. Написать, сколько в каком поле гектаров и каждый день зачеркивать убранные поля.

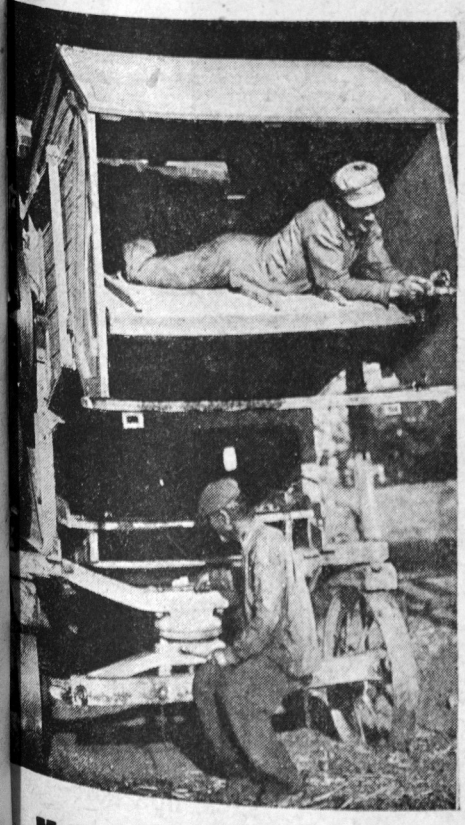
Каждый вечер ребята должны вывешивать красные списки колхозников, лучше всего работавших в этот день, и черные списки лодырей и прогульщиков.

СДЕЛЬЩИНА — ЭТО ВАЖНЕЙШЕЕ УСЛОВИЕ НАСТОЯЩЕЙ, БОЛЬШЕВИСТСКОЙ УБОРКИ УРОЖАЯ.

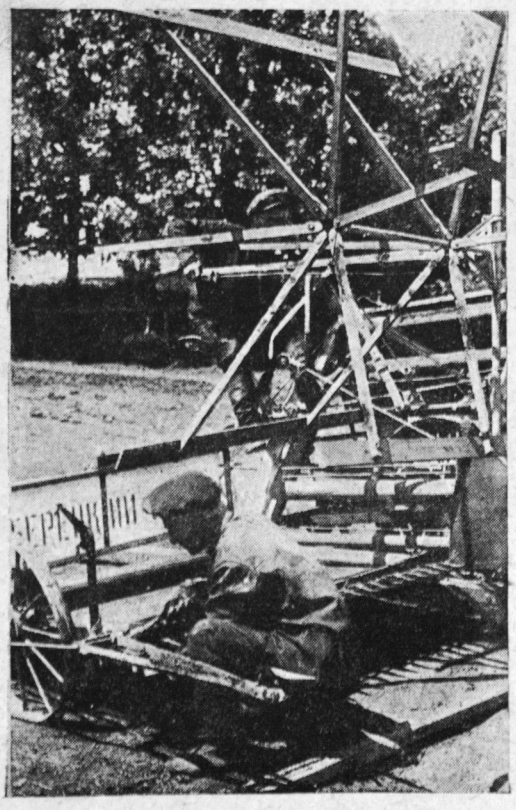
ЗАМ. МАТЕРИ и ПОМ. НЯНИ

Все женщины во время уборки находятся в поле. В весеннюю посевную женщины были более или менее свободны, они большей частью не пахали, не работали на сеялках. Теперь все выйдут на поле.

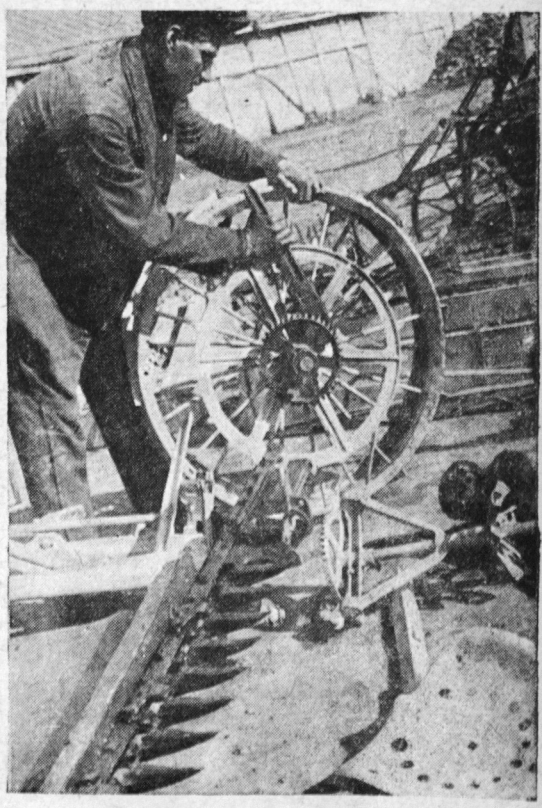
А как же маленькие дети? Бывает, что один малыш орет так, что лопаются барабанные перепонки, а тут, представьте себе, несколько миллионов детей Союза, и все орут, потому что матери в поле.



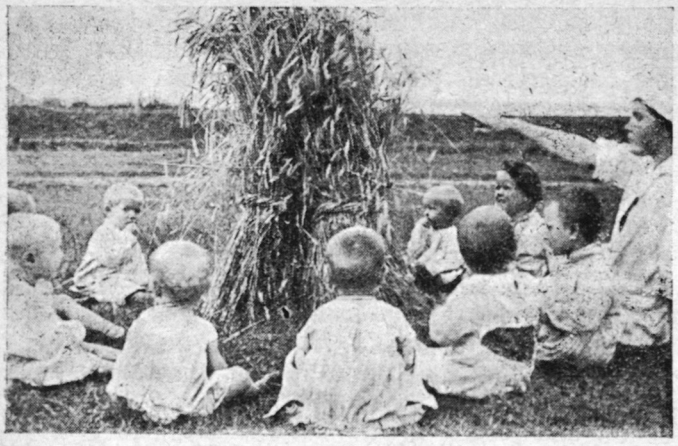
МОЛОТИЛКА



СНОПОВЯЗАЛКА



ЖАТКА



Шутки-шутками, но всем прекрасно понятно, что речь идет о яслях. Без яслей у женщин руки связаны.

У нас во многих колхозах в этом году открыты ясли. Но еще больше колхозов, в которых яслей нет.

Здесь всегда должен быть готов отряд ребят — девочек и мальчиков, которые могли бы стать зам. матерей и пом. нянь. И не каждый в одиночку, а все вместе.

С грудными ребятами им конечно будет трудно, а вот с такими, которые ходят,— совсем пустяки.

Натащить песку на площадку, сделать им игрушек, самых простых кубиков наделать и следить за ребятами под руководством какой-нибудь из матерей.

Это конечно не ясли и даже не похоже на ясли, но если ребята смогут оказать хоть какую-нибудь помощь женщинам-матерям, то они этим окажут большую помощь колхозу или единоличникам, особенно вдовам-беднячкам.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЯСЛЕЙ И УХОДА ЗА ДЕТЬМИ — ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗВЕНЬЕВ В ПОДГОТОВКЕ К УБОРОЧНОЙ КАМПАНИИ, — так пишут в газетах большими, жирными буквами на самом верху страницы.

И это совершенно верно.

Пионерский привет товарищу урожаю! С поля урожай должен перекочевать в амбары, овины, риги, силосные башни, подвалы, элеваторы и гумна.

Все это нужно заранее подготовить, особенно в новых колхозах, где урожай еще не лежал в общественных помещениях.

ИДИТЕ В ПОЛЕ
СБИРАТЬ УРОЖАЙ,
ПРОСТОРЫ ПОЛЕЙ
ТРАКТОРАМИ МЕРЬТЕ,—
УБОРКОЙ ЗАСТАВИМ
ВРАГОВ ДРОЖАТЬ
В ПРЕДЧУВСТВИИ
БЛИЗКОЙ СМЕРТИ

Мы должны проверить, готовы ли хранилища урожая, и во-время забить тревогу, если не готовы.

Многие новые колхозники настроены против силоса; им кажется, что коровам не по вкусу придется квашеная ботва, кукуруза и стебли подсолнуха

Многие неохотно заготовляли силос и будут долго раскачиваться, прежде чем начать рыть ямы или строить башни. Нужно эту работу начать сейчас же.

Колхозные коровы всеми копытами и прибавкой молока проголосовали за силос. Силосные ямы должны быть готовы во-время!

Туркмения. Школьники Первозванки организовали бригады по борьбе с сусликами. Полученные задания школьники выполнили с большим перевыполнением.

Все, что здесь написано, относится и к деревенским школьникам и пионерам и к городским пионерам, выехавшим в лагерь.

И тем и другим много будет дела во время уборки. Городские ребята конечно будут накалывать ноги на жнивье, не будут знать, с какой стороны припрягается жнейка, как трактор двигает молотилку и много других вещей.

ДЕТИ РАБОЧИХ И ДЕТИ КОЛХОЗНИКОВ ВМЕСТЕ ДОЛЖНЫ ДОБИТЬСЯ, ЧТОБЫ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ УРОЖАЙ БЫЛ УБРАН ВО-ВРЕМЯ, ЧТОБЫ КОЛХОЗНИКИ ОБРАЗЦОВОЙ РАБОТОЙ ВЫЗВАЛИ НОВЫЙ ПРИЛИВ В КОЛХОЗЫ.

БОЛЬШЕВИСТСКОМУ УРОЖАЮ ПРИВЕТ!

Рис. Я. ТАЙЦА.

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ
„ПРАВДА“

Когда специалист по вагранкам мистер Холмс впервые получил на обучение этих ребят, он решил, что с ними будет трудно. Это были шаловливые дети. А у мистера Холмса был опыт подготовки рабочих, и он наперед решил, что кто-то из ребят, очевидно более шаловливый Петька, а, может, и оба, от изучения вагранки отпадет. Но через несколько дней он понял, что чего-то в ребятах не учел.

Ребята все усваивали жадно, но когда вагранка гудела огнем, они все время неотступно вертелись около, они обо всем спрашивали, находя в горячем гуле вагранки, в искрах, летящих из шлаковой летки, в струе металла то, что они узнали на профкурсах. И скоро Холмс заметил у ребят ценнейшее свойство вагранщиков — они не боялись огня, мало того, видно было, что они ждут не дождутся, чтобы иметь настоящее дело с огнем и металлом.

Для ребят литейная была и школой и местом встречи с товарищами, в столовой при литейной они ели, здесь же проводили свободное время. Впрочем, если не спали, они работали, внося однако в работу элемент баловства, которое принимало порой опасный характер, так как буквально было игрой с огнем.

Так, однажды в обеденный перерыв ребята заспорили у вагранки, можно ли заложить отверстие летки глиняной пробкой, держа только одной рукой длинную и тяжелую тычку, которую литейщики употребляют для того, чтобы закрывать летку. Петька говорил, что можно, Пашка собственно и не опровергал возможности такого рода дела, но он решительно утверждал, что Петька этого сделать не может. Старший мастер вагранок, уже пожилой рабочий, слушал весь этот разговор с некоторым беспокойством. И действительно, когда началась работа, он увидел, что Петька, держа тычку в одной руке и балансируя в воздухе другой, целится закрыть летку. Старик закричал, затопал, он был уверен, что Петька промахнется, потом будет повторять свою попытку, натечет лужа горячего металла, и Петька, утомившись, может упасть в нее: „Петро, Петро, я тебе не велю“. Но он замолчал, не веря своим глазам; летка была закрыта с одного раза. Это напоминало опасный цирковой номер. Теперь Петька был победитель, теперь уж он дразнил Пашку, и Пашке вопреки протестам мастера пришлось проделать то же самое. Но зато мастер знал, с кем имеет дело. И все чаще он говорил:

— Ну, Петро, Павлик, вы поработайте сами, а я погляжу, как на других вагранках.

На других вагранках было большей частью скверно, и скверно было по всему заводу.

Тракторов давали так мало, что стыдно было о них говорить. Работали ребята хорошо, но результатов своей работы они не видели. Металл, ими отлитый, в небрежных и ленивых руках превращался в брак, а на некоторых других вагранках и металла отлить не умели.

Приезжали боевые ребята-комсомольцы, они восхищались заводом, не выходили из цехов, бойко пели подъемные песни, создавали ударные и сквозные бригады, проводили социалистическое соревнование, писали в газеты обличительные заметки о непорядках. И все-таки дело завода шло плохо, душил брак, увеличивались прогулы, и особенно раздражали постоянные поломки станков.

* * *

Но Петька и Пашка знали: не победить нельзя. Они знали, что, если не смогут победить сами, придет помощь. Думая о помощи заводу, Петька всегда вспоминал о том, как он с помощью Калинина попал в детдом и перестал быть беспризорным, и еще увереннее ждал помощи. И помощь пришла. Она пришла окликом, раздавшимся из Ленинграда, от старого „путиловца“, и оклик этот был настолько грозен, что многие на заводе его не сразу признавали за помощь.

Ко времени воззвания краснопутиловцев Петька и Пашка работали старшими на двух вагранках по отливке блоков. Пашку с начала мая послали на курорт. Петька остался один.

Если Петька всегда работал ударно, то сейчас не было дня, чтобы он после 7 час. возвращался домой. О том, что частенько он оставался работать на три смены, об этом и говорить не приходится. Так он подчас делал и раньше. И

стоило случиться какому-либо казусу в капризной, опасной работе любой вагранки, как зовут Петьку, и вот он с козырем, заломленным на самый затылок, тонкий, с засученными рукавами и голой шеей, летит в опасную близость огня и, закусив своевольную, припухшую нижнюю губу и наморщив толстоватый нос, он или в мгновение ока вышибает старую, плохо поставленную пробку и ставит новую или несколькими ловкими ударами прочищает засорившуюся шлаковую летку и все это делает со свойственной ему страстью и легкостью, в несколько минут, разряжая в нужном направлении всю свою девятнадцатилетнюю силу.

11 мая, в 7 часов вечера, за 3 часа до смены старательный Дорофеев, Петькин подручный, боевой красноармеец гражданской войны, на 10 лет старший своего старшего, прибежал за Петькой, который пошел помочь на другую вагранку.

— Петро, Петро, иди-ка, тезка, скорей до нашей вагранки, у нас всю летку разъело.

Петька быстро вернулся. Действительно швы, которыми летка вделана в вагранку, раздались, металл тек в несколько ручьев. Петька велел Дорофееву замесить глину с шаматом, тот замесил достаточно быстро и круто. Петька разом заделал все швы. Некоторое время работа шла хорошо, но потом все повторилось сначала. Второй раз заделывать уже было нельзя, летка проваливалась в вагранку. Но остановить вагранку — это значило остановить литье по раме и по блоку, по тем самым деталям, которые и так все время останавливали конвейер.

Глядя, как все сильнее течет металл из раскрывшихся швов, и от волнения разминая в руках глину, Петька вдруг ярко вспомнил, как Холмс показывал ему американский способ заделки летки на ходу, не останавливая вагранки и только остановив дутье.

„Или я на сегодня спасу литье или уж самому что-нибудь будет“,— подумал Петька, представив себе опасную, ни разу не пробованную работу, и тут же быстро крикнул:

— А ну, Дорофеев, останови дутье.

И объяснив Дорофееву всю операцию, Петька послал его провернуть дыры в новой летке. Дорофеев сделал это быстро и аккуратно. И вот Петька вынул старую летку, вделанную по правилам изнутри еще утром, когда приготовляли вагранку к литью, и снаружи „по-американски“ быстро поставил новую летку и моментально замазал швы. Это было сделано так быстро, что металл не успел хлынуть в большое отверстие, которое образовалось на тот короткий момент, когда была вынута старая летка и не вставлена новая.

Дорофеев возобновил дутье, искры полетели из шлаковой летки, вагранка гудит, в ней бушует металл, но новая летка выдержала, и, когда Дорофеев пускает металл, металл льется так ровно и быстро, как никогда не льется вода.

Петька отходит от пышущей огнем вагранки, сладковато дымный и чадный воздух литейной кажется ему свежим, просторная прозодежда вагранщика ладно пригнана к его стройному телу, он стирает с лица блестящий пот и размазывает копоть, его улыбка сверкает белыми зубами, глубокие морщинки веселья быстротой смышленности бороздят его лицо и сочетаются с тонким и смелым очертанием бровей. Сейчас он глубоко вздыхает. Он отходит от только что испытанного волнения.

* * *

18 мая у Петьки взяли Дорофеева. Взамен, правда, дали двух. Одного высокого, медлительного, еще неопытного калмыка, а другого, правда, очень опытного, но совсем старого литейщика, только что поступившего на завод. Петька поставил старика на заделку летки. Эту работу надо делать сразу после того, как ковш, наполненный металлом, отойдет от вагранки. Если это сделать медленно, металл пропадает даром. И вот ковш уже отошел, Морозов тычкой кладет пробку, но не попадает. Это повторяется раз, другой, третий, тычка в его руках дрожит, натекла уже большая, пламенеющая в центре, темнеющая по краям лужа металла. Петька отозвал старичка, послал калмыка, и тот тоже не смог закрыть летку. Тогда Петька кинулся сам, но ему плохо подали тычку, она упала в лужу металла, который брызнул ему за рукав, ему дали другую тычку и, превозмогая ожог, исказив лицо, наругавшись, Петька сразу положил пробку и остановил металл.

Когда же он расстегнул себе рукав, то оказалось, что раскаленный металл залил ему всю руку до локтя, по руке ползли громадные пузыри и краснело обожженное мясо, к которому припеклись частицы металла.

— Вот, Петька, ты не боишься, отчаянный какой, прямо в огонь лезешь, ведь так сгореть можно, — растерянно и виновато лепечет старик, глядя на ужасный ожог.

Петька, морщась и закусив губу, следил за тем, как фельдшерица торопливо приготавливала вату и бинты.

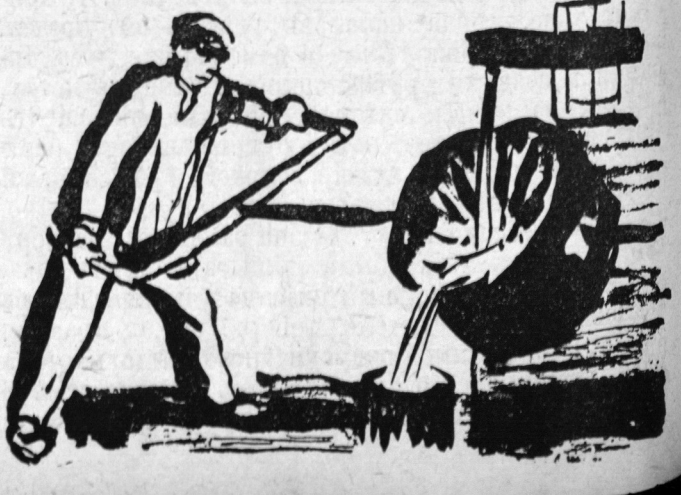
— Раз ты, отец, вагранщик, так ты сгори, но работу сделай, — ответил он очень спокойно, без обычного крика и ругани, перекрывая этими словами ту боль, которая корчила его руку и мельчайшими уколами бежала вверх к плечу, в подмышку.

Это сказал красноармеец армии великого социалистического наступления. Эти слова были выражением его постоянной установки в жизни, его определившегося отношения к миру.

Уже уходя из цеха, он услышал сзади, около вагранки, сокрушенный и злой голос мастера:

— В такие дни вывели из строя лучшего вагранщика, тычку, как следует, дать в руки не можете. Ведь таких ребят надо, как золото, беречь... Ну как я теперь без него?

И Петька одновременно покачал головой и усмехнулся, хоть приятна была такая оценка мастера. Заботило, как будет с работой. Он знал, что в цех долго не придется вернуться, а хотел бы вернуться сейчас.



Третий Бремсберг

ПОЛИВАНОВ
Рис. Г. БЕРЕНДГОФА

ЗАХВАТ

На постройке Гизельдонской электростанции люди распоряжаются течением рек.

Труд ударника побеждает все препятствия. Вооруженный машинами, он приобретает огромную силу. Если же в помощь машинам человеку удается заставить работать силы самой природы, поставленная цель достигается с той быстротой, которой поражает стройка Гизельдонской электростанции.

В самом жерле хаоса камней выдвинули навстречу потоку бетонный щит и захватили этим щитом небольшую часть воды. Вся река проносится мимо серого щита. Она еще свободна. Только самая ничтожная часть потока отбивается в сторону и проглатывается двумя чугунными трубами, проложенными по берегу Пурта.

Внизу, у подножья каскада, куда ушли чугунные трубы, в маленьком бараке стоят три водяные турбины и над ними три динамомашины. Называется это сооружение „Временной силовой установкой“, а место, где щит поймал воду Пурта,—„Захватом“.

Установка крохотная, но вырабатываемой энергии оказалось вполне достаточно, чтобы электрифицировать все работы и ярко осветить всю площадь строительства и рабочий городок.

Как же строили „Захват“?

По петлям старой осетинской дороги на лошадях и на волах вытягивали на самую вершину Пурта сотни бочек цемента, стальные рельсы и скрепы, бревна, доски, песок и мелкую речную гальку, необходимую для приготовления бетона. Оттуда, почти по отвесной круче, на руках и на канатах груз спускали вниз к месту постройки в жерло ревущего Пурта.

Чугунные трубы тащили снизу, подкладывая, где было можно, деревянные катки.

Мне удалось подняться вдоль Пурта от „Временной силовой установки“ до „Захвата“. Собираясь в путь, я рассказал о своем намерении одному из инженеров. Он самым решительным образом советовал мне отказаться от этого опасного предприятия.

— Страшно там!.. Свалитесь в воду, и вас даже не найдут потом. Лучше не ходите.

— Не повидав самому, трудно рассказывать другим, все-таки пойду!

Вернувшись вечером домой, вот что я написал в дневник:

„От „Временной силовой установки“ вдоль Пурта идет тропинка. Когда я говорю „тропинка“, это совсем не дает представления о том пути, который был мной проделан сегодня. От „Захвата“ к „Временной силовой установке“ вода бежит по двум чугунным трубам. На эти трубы набросан хворост, а на хворост — мелкий известняк. Это и есть тропинка. Иногда настилка съезжает с труб, и тогда приходится ползти над водой по скользкому голому чугуну. Подъем на гору настолько крут, что я сразу рассчитал, что ползти на четвереньках гораздо выгоднее и безопаснее, чем итти, вытянувшись во весь рост. Стесняться нечего: я один, а на четвереньках чувствуешь себя гораздо устойчивее.

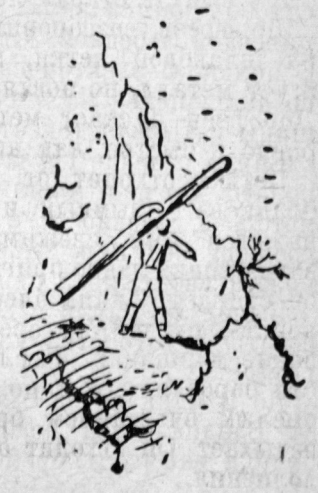
Лезу. Проползаю шагов пятьдесят и сажусь в тень скалы передохнуть. Жарко. Сердце стучит. Икры на ногах болят и трясутся. Сижу долго, пока сердце не успокоится и не восстановятся силы. Торопиться некуда и незачем рисковать. Только совсем отдышавшись, пускаюсь в дальнейший путь.

Чем выше, тем круче. По доске, перекинутой через клокочущий водопад, перебираюсь на противоположный берег. Тут уже ни трубы, ни тропинки, ничего нет. Каменная осыпь едет из-под ног. Еще немножко, и конец...

Выручает канат. Он спущен откуда-то сверху, с осыпи. Хватаюсь за канат, пропускаю его между ног и, перебирая руками, ползу вверх. Осыпь движется. Останавливаться нельзя. Весь подъем надо проделать одним духом.

Одолел!.. Сижу на скале, выдавшейся вперед над водопадом. Надо мной другая скала. Она еще выше и неприступнее. Пробить карниз для тропинки повидимому не удалось. Скалу пришлось обогнуть дощатым помостом.

Помост не очень широк: одна доска в четверть метра шириной и больше ничего, а под доской клокочущая пена.



Ползешь по доске в водяной пыли. Тысячи радуг. Весь Пурт в радугах. Огибаю по мокрым и скользким доскам скалу, выбираюсь на берег и высоко над головой вижу бетонное серое гнездо, прилепившееся к левому берегу. Пурт мчится мимо гнезда. Это — „Захват".

Еще одно последнее усилие — и я на „Захвате".

Я не тащил на себе никакого груза. Все мое внимание, вся сила и ловкость были сосредоточены на спасении самого себя из беды, в которую я попал по собственной охоте из простого любопытства...

А ведь люди строили и выстроили „Захват"!

„Захват" — главный силач строительства, а строил „Захват" Третий Бремсберг с товарищами.

ДВА БРЕМСБЕРГА

Самой тяжелой и трудной работой во всей постройке электростанции была проходка штолней. Штольни пробивали высоко в горах. На проходке штолен работали машины, а шоссе доходило только до подножия Пурта.

Как же смогли люди без дорог затащить на такую высоту тяжелые и громоздкие машины?

Правда, была по горе старая осетинская дорога, но от такой дороги помощи мало. Ни на лошадях ни на волах по ней машины не протащишь. Она и сейчас вьется петлями по откосу горы и до входа в штольню делает тридцать два крутых поворота. Подъем по этой дороге так труден и продолжителен, что непривычный пешеход, чтобы взобраться наверх, тратит не меньше часа. Верхом на лошади здесь едут только в гору. Спускаясь с горы, всадник ведет лошадь за собою в поводу, иначе он легко может сорваться и полететь вместе с лошадью в пропасть.

Для подъема машин и тяжестей люди устроили два бремсберга. Один у входа, другой у выхода из водонапорной штольни.

По прямой линейке от низа до верха выровняли по горе прямой скат. По скату уложили железнодорожные шпалы. К шпалам прикрепили две рядом бегущие колеи стальных рельсов. На самом верху горы выровняли небольшую площадку и на ней поставили железную катушку, которую крутит электрический мотор. На эту катушку накинули стальной канат и к концам каната прицепили две вагонетки.

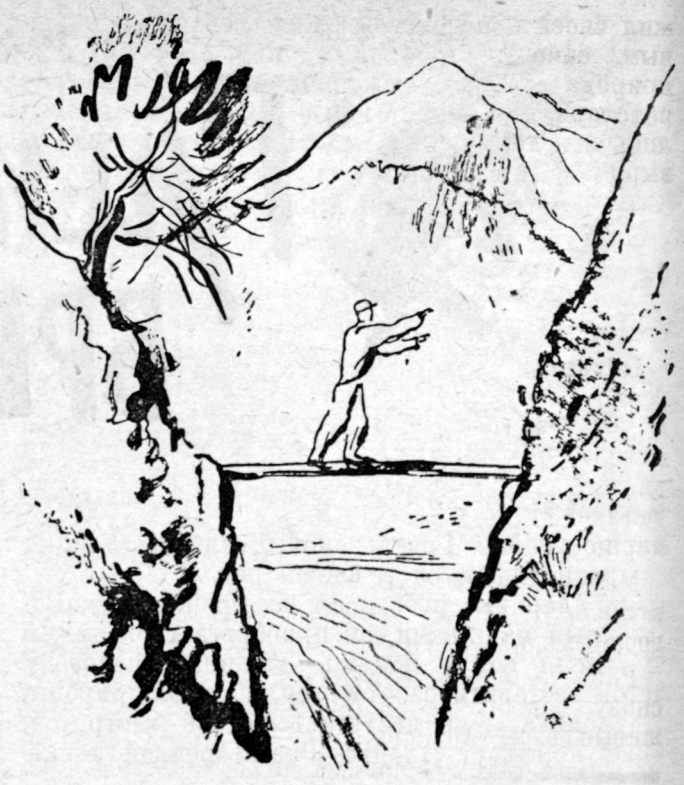
ЭТО И ЕСТЬ БРЕМСБЕРГ

Когда катушка крутится, одна вагонетка ползет вверх по бремсбергу, а другая по соседним рельсам спускается вниз. Катушка называется электрической лебедкой. Управляет ею один машинист. С помощью электрической лебедки он поднимает со дна ущелья на высокую гору громоздкие машины и тысячи тон строительных материалов.

Внизу рабочие грузят машину на вагонетку и подают сигнал машинисту. Машинист включает мотор, и, словно жук по стеблю травы, тяжелая громада без передышек и остановок начинает ползти вверх, пока не выползет на площадку.

Выползла, сняли с вагонетки, и пожалуйте работать. А вагонетка уже сползла вниз за новым грузом.

До Владикавказа с завода по железной дороге, от Владикавказа до Пурта на грузовом автомобиле, а наверх по бремсбергу.

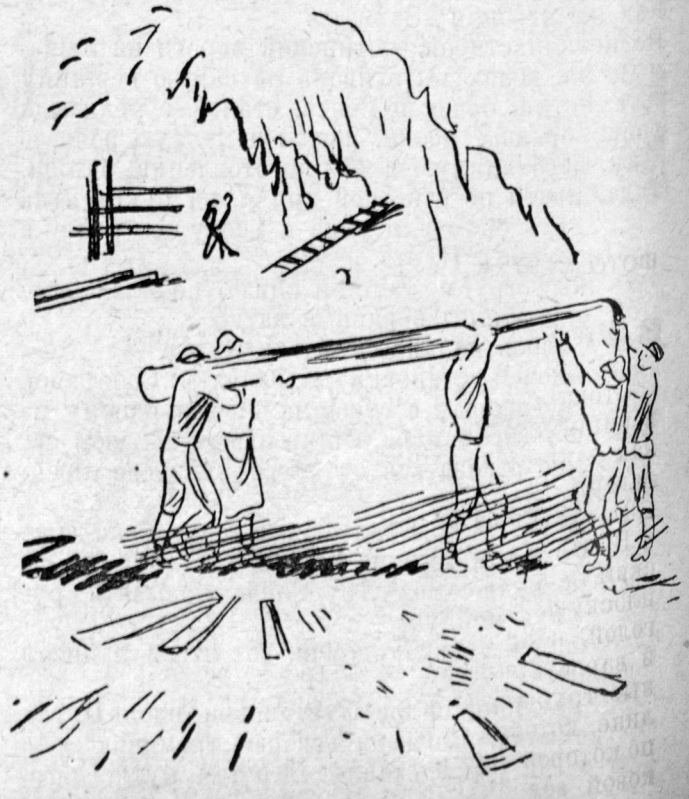


ТРЕТИЙ БРЕМСБЕРГ

Но ведь работа бремсбергов стала возможной лишь с того времени, когда строителям удалось получить в свое распоряжение электрическую энергию, когда были сооружены „Захват" и временная электростанция. А как же строили до тех пор?

Приезжие на Гизельдонстрой видят только два бремсберга. Они и не подозревают, что на строительстве существует еще Третий Бремсберг, который сам явился на Гизельдон с первой партией рабочих и работает здесь до сих пор.

Третьим Бремсбергом гизельдонские рабочие в шутку прозвали одного из своих товарищей, рабочего осетина. Это почетное название он заслу-



жил своей невероятной силой, ловкостью и упорным, самоотверженным трудом. Там, где дикая природа ставила, казалось, непреодолимые препятствия, где непривычные рабочие останавливались в недоумении, не зная, как взяться за дело, выручал Третий Бремсберг.

— Чего ж вы стали? Айда за мною!

— Да как ты туда бревно поднимешь, когда и порожнем не забраться!

— Как это такое не забраться!.. А ну-ка, давай его сюда, вали ко мне на плечо.

Подкинув рваный мешок, чтобы „кость“ не терло, богатырь подставлял свое широкое плечо и четверо товарищей, взявшись за концы, взваливали бревно на плечи осетину. Широко расставив ноги, Третий Бремсберг крякал, устанавливал равновесие и медленно, с бревном на плече, мерно начинал подниматься в гору.

Малейшая оплошность, один неверный шаг, в тка кустарника, встретившаяся по дороге,—все грозило потерей равновесия и гибелью.

Рабочая артель, затаив дыхание, наблюдала снизу, как спокойно и ровно поднимались в гору живые весы. Бревно плыло по воздуху и, добравшись до назначенной техником высоты, скатывалось с плеча на землю.

— Ты его за камни, за камни концами заведи, чтобы нам через самую середку канат перекинуть!—кричал снизу техник, размахивая руками.

— Ладно!—неслось в ответ с горы.

Укрепив концы бревна за выступы скал, осетин спускался вниз за канатом. Поднявшись снова к бревну, он перекидывал канат, и неприступная высота оказывалась побежденной. Артель устанавливала ручной ворот и с помощью ворота поднимала наверх все тяжести.

— Как же это ты так? Смотреть и то страшно!

— Чего там страшного! Дай-ка лучше закурить, а то свой табак весь вышел,—спокойно отвечал Третий Бремсберг, усаживаясь на бревна. Скрутив цыгарку, он с наслаждением затягивался сладким махорочным дымом и, покурив, возвращался к работе.

Даже сейчас, когда строительство подходит к концу и все тяжелые работы выполняются электричеством, рабочие охотно рассказывают о Третьем Бремсберге и справедливо считают, что ему по многом обязан Гизельдонстрой и притом в самое трудное время.

ТАМЧА. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДАЦАН БУРЯТСКОГО И КАЛМЫЦКОГО БУДДИЗМА

ФОТО СЕРГЕЯ ГРАЧЕВА—РАБОЧЕГО ЗАВОДА им. ЛЕПСЕ.

КОГДА ЗАМОЛЧАТ БЫРЕ

С РАБОЧЕЙ БРИГАДОЙ ЗАВОДА имени ЛЕПСЕ ПО БУРЯТО-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

Л. БОЧИН

В УРОЧИЩЕ ТАМЧИ

Стоит только подняться на обнаженную вершину Мур-Гуцук-хада, и перед вами внизу, как в кино, два мира, два классово-враждующих лагеря.

Мы и они.

Будто нарочно раздались в стороны Моностойский и Хамбинский хребты, чтобы, образовав плоскую ладонь долины, показать на ней Тамчу голой, неприкрытой. Чтобы показать, как нелепо и варварски дико ревут, гремят тибетские священные трубы „быре“ и барабаны „хынгрыки“ в долине, которая уже порвала с прошлым, в долине, по которой новые, свежие ветры метут остатки вековой солончаковой плесени всего старого, рабского, что еще окружает бурята, что еще мешает ему шагать уверенно и бодро.

Слева, на запад — один мир. Один полюс. Один лагерь.

Они.

Камбайн-курен — крепость бурятского и калмыцкого буддизма.

На сурово-синем экране Гусиного озера горят золоченые „ганджир“—куполообразные главы причудливых храмов, ярко раскрашенных в желтый, красный, белый, зеленый цвета. Настоящее солнце отражается в медных золоченых солнцах „толи“, которыми украшен портал главного храма.

И сюда, на вершину „Мур-Гуцук“, струится звон железных колокольцов, подвешенных к углам храмовых крыш.

Под этот звон раскачиваемых ветром колокольцов (чтоб злые духи к дацану не подходили) живет по сей день целый город лам — буддийских монахов, город праздного лежебочества, город лжи, неприкрытого обмана, „святого“ циркачества и контрреволюции...

Лениво позвякивают колокольцы. Отгоняют злых духов.

Справа, в километре на восток,— другой мир. Другой полюс. Другой лагерь. Наш лагерь.

Мы.

Серая деревянная Тамча с недавно перенесенными сюда двухэтажными строениями.

Скупо природное окружение Тамчи. Пусто и серо.

Днем Тамча робко улыбается в бездушное, голое урочище новыми, еще не посеревшими от ветров зданиями ШКМ и больницы.

По ночам, прижавшись к земле, застегнувшись на крепкие железные засовы, запахнув тяжелые ставни окон, она дрожит, пытаясь удержаться на месте под суровыми порывами байкальских ветров. Ветер, перевалив через холодные заснеженные кряжи Хамар-Дабана, устремляется в падь — в Тамчинское урочище, как в поддувало какой-то гигантской топки.

Тамча знает крутые ночи.

Ветер превращает каждое здание в дикий, свихнувшийся граммофон с испорченной, завывающей пластинкой.

Ветер маятниками раскачивает высокие радиомачты у Народного дома. Мачты, обезумев, дико, по-животному орут, цепляясь за землю стальными, в струну натянутыми тросами. Ветер поднимает с земли камни, с пулеметным треском несет их по урочищу и горстями, сразмаху бросает в барабаны стонущих домов.

Это Тамча, центр Селенгинского аймака[1].

* * *

Нитями телеграфа, телефона, конной почты, просто нитями тяжелых перевальных дорог и троп связана Тамча с фронтом борьбы за социализм — с сомоном, улусом[2] и юртой.

К аймачному исполкому торопливо тарахтят двуколки, верховые наскаку осаживают разгоряченных коней, легко соскакивают на землю и, задрав полы халатов, вытирают взмокшие лица.

С вершины Мур-Гуцук-хада, как в книжке-картинке, видны два мира.

Дацан и Тамча.

Странно, будто вся бескрайная Бурятия с ее немеренными верстами степей, сопок и тайги улеглась вот здесь в Тамчинском урочище, чтобы показать себя в своей борьбе, в своих противоречиях.

Тамча — штаб шагающего по Бурятии социализма.

Дацан — штаб борьбы с социализмом.

Тамча объединяет бурят-бедняков в борьбе с остатками векового рабства и нищеты, борется за колхозы, уничтожает зайсана-кулака.

Дацан держит бедняка-бурята в лапах суеверий и предрассудков, борется против колхоза, помогает зайсану.

[1] Аймак — район.

[2] Сомон — сельсовет, улус — деревня.

И если смотришь с „Мур-Гуцук-хада“, то кажется:

Тамча еще слаба, молода, неопытна и бедна.

Дацан силен, богат и опытен. У него за спиной века практики „святейшего“ обмана.

И будто бы победа за дацаном.

Но стоит только спуститься вниз, с вершины Мур-Гуцук-хада, поглубже вниз, в самую гущу жизни, которая ни минуты не стоит на месте, ясно обратное.

Серая, неприкрытая, молодая Тамча, советская Тамча, социалистическая Тамча побеждает. Перед нашей Тамчей отступают века рабства и нищеты, которыми когда-то была так богата Бурятия. Это видно по морщинам сопок ее серой, суровой земли.

Точно такие же морщины можно видеть на лице Ванданжапа — старика-бурята, который сопровождал нас через Муртойский перевал. Восемьдесят два года, пронесенные через нечеловечески рабскую жизнь, отпечатались крутыми сопками морщин на его сером, суровом лице.

„ХАРИ ХУН ХАРИ ДУ БАГТАХУ УГЕЙ“[1]

Все знали: была, существовала коммуна „Улан Оронгой“.[2] И не плохо существовала. На месте прежних временных стоянок полукочевников-скотоводов выростало крупное коллективное хозяйство.

Но над долиной Гусиного озера осенью балуют ветры, приходят снежные бураны, заметают улусы в долине, рвут телефонные, телеграфные провода, отрезают пути к „Улан Оронгою“. И никто не знает, как живет „Улан Оронгой“, как пере-

[1] Бурятская пословица: „Чужому у чужих места нет“.

[2] Улан — красный.

носит суровую зиму, каким будет встречать весну.

А к весне оказалось: нет „Улан Оронгоя". Не существует. Оказалось: в коммуне вредительски разбазарено хозяйство, бесконтрольно перерезан скот, сожжена половина построек и запасов коммуны, скормлено раньше времени все сено.

К весне оказалось: председатель коммуны (уже кандидат в члены партии) служил в „агитпропах" у зайсана. Бывший лама — председатель коммуны. Много лет назад уйдя из дацана, он до последней минуты был связан с ним и, работая в коммуне, получал точные, подробные инструкции из дацана.

В Агинском аймаке ламы испугались всеобуча. Ламы почувствовали во всеобуче приближение своего конца. Ламы организовали побег целой группы бурятских ребят из школы. Только после долгой разъяснительной работы школе удалось вернуть ребят.

Учли ламы крутые дни перегибов на колхозном фронте. Запрыгали „агитпропы" по улусам. Попробовали поднять вооруженное восстание против советской власти.

Но бурят знает советскую власть. И узкие щели глаз могут многое видеть. Бурят-бедняк любит советскую власть.

Сорвалось. Восстанию не удалось выйти за ворота дацана. Ламы-командиры оказались без армии.

И вчерашние кочевники, еще поклоняющиеся великому и непонятному за последние годы Будде, приветствовали правительство своей республики за арест главы буддийского духовенства Хальбо-ламы, представителя бога и контрреволюции на свободной бурятской земле.

„Лама лучше умрет в дацане, но не уйдет живым из дацана" — таков закон ламаизма.

Но последние годы рушат вековые законы, создают новые. Массой уходят ламы из монастырей. Публично, иногде через республиканскую печать ламы отрекаются от своей „святой" жизни, „святых" санов, отвешивают по адресу советской власти бараньи курдюки жирной похвалы и уходят из дацана.

Идут в „народ". Рассеиваются по далеким, заброшенным улусам. Принимают облик простых смертных.

Быть может, хотят честно, всерьез покончить со святым ханжеством, с праздным ничегонеделаньем? А быть может, разуверившись в открытых боях, хотят итти на нас обходом? Быть может, хотят напасть на нас с глубоких затаенных падей бурятского быта, полукочевнической отсталости?

У нас есть хороший урок — коммуна „Улан Оронгой". У нас есть десятки и сотни примеров контрреволюционной деятельности лам.

Мы должны быть зоркими и чуткими, чтобы враг не мешал нам растить молодую социалистическую Бурятию.

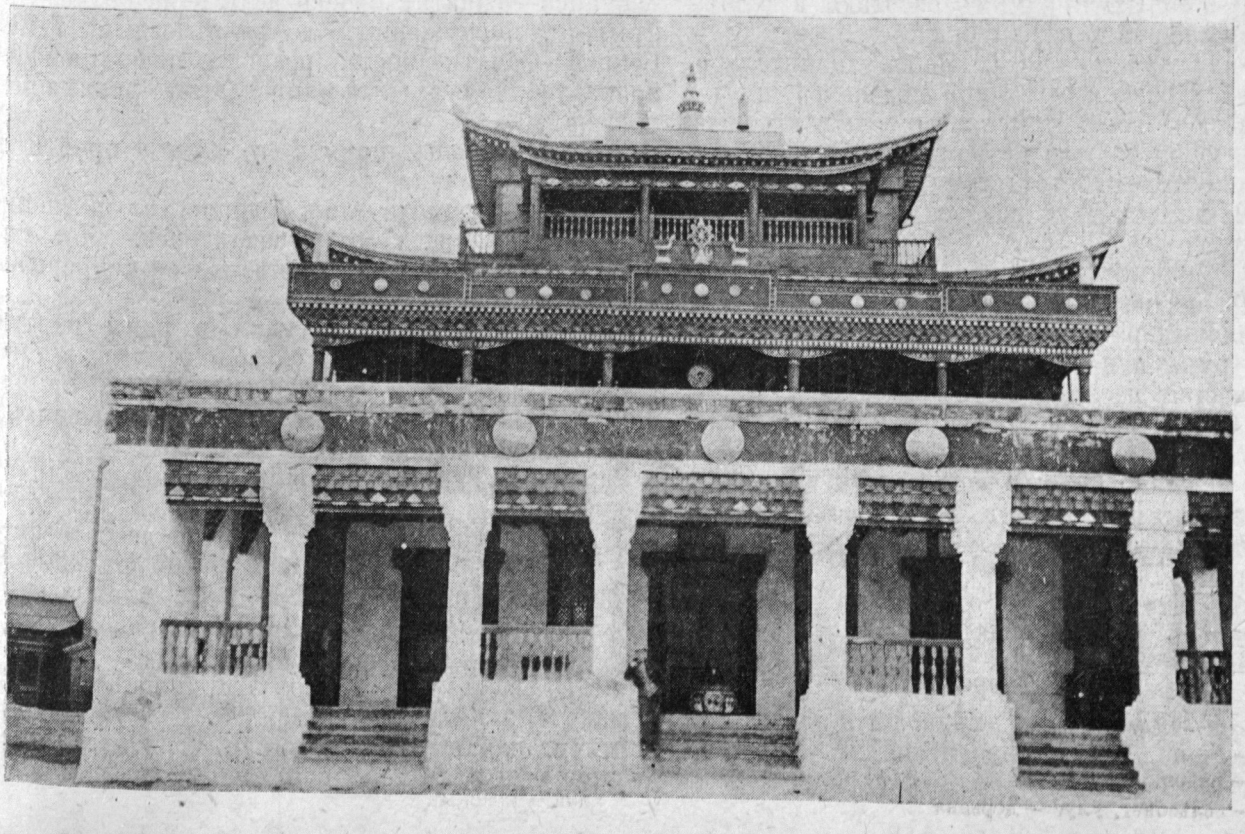
И очень больно слышать, когда бурятские комсомольцы, пионеры, шакаэмовцы и школьники рассказывают о том, что плохо поставлена у них антирелигиозная работа, что плохо понимают ребята контрреволюционную сущность сегодняшнего ламаизма, что плохо мобилизованы ребята на борьбу с ламой, лучшим „агитпропом" зверюющего перед смертью зайсана. Но день ото дня все слабее становится влияние ламы.

Бурят учится видеть в ламе врага.

И пусть еще на вершинах облизанных ветрами гольцов чернеют часовни. Пусть еще к этим диким кумирням поднимаются непорвавшие окончательно с прошлым буряты, чтобы принести богу „обону", страшному хозяину горы, дорогие подарки. Пусть все равно кончается власть обонов. Бурят, вырвавшийся из-под пяты зайсана и ламы, знает, что он, только он, вчерашний раб, является обоном, хозяином горы, хозяином степи и тайги, которыми богата свободная Бурятия.

А ламы знают, чувствуют:

„Хари хун хари ду багтаху угей".



ТАМЧА. ЦОКЧЕН ДАЦАН — ГЛАВНЫЙ ХРАМ ДАЦАНА.

РВАНАЯ СПЕЦОВКА

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

Очерк НАУМА ЛАБКОВСКОГО

На длинных оцинкованных столах—тугие скатки резины. Широкую резиновую полосу рабочий ловко загибает в размеченном месте, грудью налегает на рукоятку блестящего валика и проезжается по столу от конца до конца. Несколько сгибов — и утолщенный ремень получает необходимую прочность, наматывается на огромную катушку, переселяется со стола в вагонетку и по рельсам увозится из цеха.

Резиновой пылью, словно пудрой, покрыты станки и лица рабочих.

В центре цеха—гигантские герметические печи. Земля разверзлась под их тяжестью, и они по пояс ушли в нее. Печи урчат, излучая жар. Рабочие, находящиеся у печей, часто стирают капли пота с утомленных лиц. Здесь работают в белом, в пекарских беретах и фартуках.

Столы — в глубине цеха. Здесь значительно прохладней. Предостерегающий гул печей и вентиляторов сюда доносится сквозь завесу резиновой пыли, и здесь уже не кажется, будто находишься на кратере действующего вулкана, готового с минуты на минуту извергнуть содержимое своего нутра.

У столов значительно спокойнее, и разговаривают здесь, не повышая голоса.

Черноголовый рабочий в синей спецодежде размахивает руками и говорит с закавказским акцентом, говорит несколько обиженно:

— Что значит гулает? Наши Бенцен никогда нэ гулает. Наши Бенцен всегда работает... Ты думаешь, в нашем заводе один ремневой цех? В нашем заводе много цехов. Если здесь Бенцена нет, значит пошел куда-нибудь по делу. Значит сейчас придет...

Услышав, что речь идет о Бенцене, подходит еще несколько ребят. С любопытством прислушиваясь к разговору, они поддерживают горячего закавказца.

— Бенцен—хороший работник, он никогда попусту время не тратит. Бенцен на „Каучуке“ — это в роде как на резиновом ходу. Каучуковый Бенцен работает славно. Орден трудового красного знамени он получил по заслугам.

Как бы в подтверждение всего сказанного, в цехе появляется сам Бенцен. Это крепкого сложения высокий человек, несколько согбенный годами.

Его длинные светлые усы свисают вниз, отчего на первый взгляд он кажется унылым. Однако это впечатление быстро рассеивается. Он не уныл. Он просто всеми своими чувствами ушел в работу. Работа требует бережливости, точности, аккуратности. И вот заботливость не сходит с лица Бенцена. На себя времени нехватает. Поэтому полуоторвавшийся каблук левого ботинка перевязан веревкой. Поэтому дыры зияют в самых неподходящих местах спецовки.

Бенцен—фанатик своего дела, но не безмозглый фанатик, погруженный в религиозный туман. Бенцен—фанатик вполне реальных цифр промфинплана, вполне реальных рационализаторских предложений.

Для того чтобы понять его, нужно пройти по стопам его жизни...

Производственный стаж Бенцена в сравнении со стажем жизненным незначителен. Лет ему теперь за 50. На производстве же он непрерывно всего лишь десять лет.

В 1910 году Бенцен вступил в ряды партии, в латышскую группу, руководимую тогда товарищем Гоэльсом. Спустя два года он принял ближайшее участие в организации большой рабочей забастовки на заводе „Тудора“.

Рабочие „Тудора“ несомненно выдержали бы забастовку, и сопротивление хозяев было бы сломлено, если бы в среду рабочих не затесался предатель. Предателем оказался профуполномоченный. Он вошел в соглашение с владельцами завода и подбил наиболее отсталых рабочих сорвать забастовку. Игра была проиграна, и большинство рабочих постепенно вернулось на завод. Однако Бенцен не возвратился. Он считал, что партиец, начав открытую борьбу с капиталом, должен при любых условиях ее продолжать.

Вскоре латышская группа была разгромлена царской охранкой. Многих сотоварищей Бенцена арестовали, многих засудили и сослали в Сибирь. Бенцен остался один, без друзей, без руководства. Наступила пора шатаний. Бенцен оторвался от партии и вышел из ее рядов.

Затем по полотну его жизни с кинематографической быстротой пронеслась империалистическая война. Передовые позиции, санитарный отряд, латышский полк, Февральская революция

Бенцен растерялся. Окончательно оторвавшись от партии, он не сумел даже понять разницу между большевиками и меньшевиками. И в неведении он метался, не зная, к кому примкнуть. Но Октябрьская революция стерла последние следы сомнений. В 1917 году Бенцен вновь вступил в партию большевиков...

Бенцен стоит, слегка сгорбившись, устремив неподвижный взгляд в пол. Он недоволен тем, что его отрывают от дела. Работы хоть завались, совсем не до разговоров.

В 1921 году Бенцен поступил на завод „Каучук“ чернорабочим. Теперь он—помощник мастера ремневого цеха. Вся его работа проникнута заботливостью, старательностью, желанием улучшить, облегчить и удешевить производство.

Первое рационализаторское предложение Бенцен дал еще четыре года тому назад.

В то время на пудрилочной машине, в ремневом цехе, работало два человека. Работа одного из них заключалась только в том, что он держал верное направление ремня. Бенцен смастерил деревянную рамочку. Она с успехом заменила человека. Пара рабочих рук освободилась для производства.

Бенцен один из первых на заводе включился в социалистическое соревнование, объявил себя ударником.

На прессах обычно работали по четыре человека. Бенцен часто доказывал, что на этих прессах могут работать по одному человеку, так как, чем меньше народу будет вертеться вокруг прессов, тем меньше будет суеты. Бенцен утверждал, что каждый лишний человек на прессах только мешает работе—в сутолоке ребята задевают ремень, и его поминутно приходится поправлять.

Бенцена и слушать не хотели. Привыкли как-то к старому порядку.

— Мудришь, старик! — снисходительно говорили товарищи.—Где же это видно, чтобы вместо четырех человек а вдруг один?

Бенцен не отвечал. Он и мастер Тулчинский выговорили себе месячный испытательный срок и на своих прессах стали работать в одиночку.

— И чем же окончилось испытание? — спрашивает заинтересованный слушатель.

Его подводят к прессам. На каждом из них работает по одному рабочему..

Бенцен скручивает папироску. Он чувствует себя неловко. При нем о нем говорят в третьем лице. Его хвалят. Он языком заклеивает бумагу и, щурясь, смотрит в глубину цеха.

В лице решительность, смелость и упорство. Рваная спецовка и ботинки, просящие каши, — это кора; под ними хоть и не молодая, но крепкая жизнь, могущая противостоять еще не одной буре.

Бенцен дышит всей грудью. Он говорит с незыблемой уверенностью, и словам его веришь:

— Я даю заводу все, что могу дать, и считаю, что каждый из нас, рабочих, должен дать стране то, что он дать в состоянии...

НАЖИМАЯ НА ПЛАН
ВТРОЕ,
ВЕТХИХ ТЕМПОВ
РУША ТРУХУ,—
НАШИХ ДНЕЙ ВЫРАСТАЮТ ГЕРОИ
В АГРЕГАТЕ,
ШАХТЕ,
ЦЕХУ.

ЭТО ТЕ, КОТОРЫЕ ПОУТРУ
ШАГАЮТ
И В МАРШЕ
НЕ СЧЕСТЬ ИХ,
ЭТО ТЕ, ДЛЯ КОТОРЫХ
ТРУД—
ДЕЛО ДОБЛЕСТИ,
СЛАВЫ
И ЧЕСТИ

Кричат: вагон остановите,
Вора, мазурика держите.
Вот этот самый рыжий бес
Ко мне в карман сейчас залез.

*

Вы, люди добрые, подайте,
Мне дайте горе перенесть,
За мою просьбу не ругайте:
Ведь я хочу и пить и есть.

*

Довольно позорно живешь беспризорно.
Я ложечкой об ложечку стучу,
Скучаешь за мамой,
И корочки шамай,
Братишечки, я жить, как все, хочу.

(Из песен беспризорщины)

ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ

ПРО КИНОКАРТИНУ „ПУТЕВКА В ЖИЗНЬ", СДЕЛАННУЮ РЕЖИССЕРОМ ЭКК И СНЯТУЮ ОПЕРАТОРАМИ ПРОНИНЫМ И НЕСТЕРОВЫМ НА СОВЕТСКИХ АППАРАТАХ „ТАГЕФОН"

ЕВГ. СИМОНОВ

Были негры, которые поселились в Москве. Впрочем, глухой зимой часть из их племени подавалась на юг, а оставшиеся в Москве линяли, были почти белыми и лишь с весны чернели, становясь опять вполне темными личностями. Речь идет о беспризорных.

Кинофабрика Межрабпомфильм выпустила звуковую кинокартину про беспризорных.

„Путевка в жизнь", названа эта картина так потому, что она показывает, как надо отвоевывать у беспризорщины ребят и как делать из них строителей новой жизни.

Картина звуковая: она не только показывает, но и рассказывает. Немой киноэкран заплепал губами репродукторов, он теперь поет и кричит, и целлюлоидная дорожка кинопленки тянет звонки трамваев и лягушечьи трели.

*

В нахмуренных подвалах, в мусорных ящиках и других укромных местишках живет беспризорник. На одном из московских кладбищ беспризорные вскрыли склеп: покойничков вынули и гробы аккуратно поставили в ряд, совсем как в хорошем общежитии. В них спали, но скелеты мешали жильцам, поэтому из костей соорудили большую люстру, в которую воткнули свечки для электрификации своего особняка. Это хотя не заснято в картине, но там есть подвал, в котором ночуют „деловые" и в который ночью приходят бригадники забрать ребят. Тихо-тихо входят они в подвал, лучи карманного фонарика падают на лица спящих, и бригадир громко будит их:

— Ребята, а ведь на койках спать удобнее?

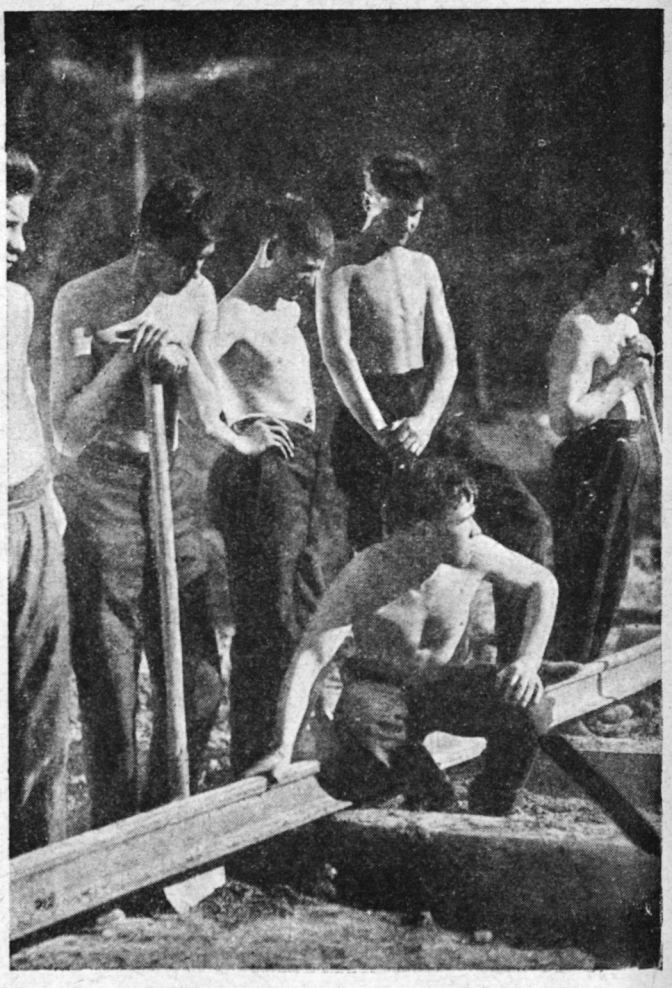
— Зекс.

— Шухер!

— Облава!— бражка вскакивает, начинается паника.

*

Самых трудных ребят — летунов, бежавших по многу раз из всех детдомов, воров и пьянчуг — берет к себе в колонию руководитель Николай Иваныч. Педагогусы кисло и упрямо возражают: что можно сделать из этих бандитов? Они сбегут,



Железная дорога шагает вперед.

учителей слушать не хотят, вообще— шпана. Николай Иваныч ведет себя по-чудному: ребят ведет на вокзал без конвоя (они затем и согласились ехать, чтоб по дороге задать деру), а вору Мустафе доверяет монету купить еды на дорогу.

Два звонка — Мустафы нет, свисток — нет Мустафы, и только когда поезд дал ходу, в купе врывается Мустафа с покупками. Правда, он не за все уплатил и про большую, как цеппелин, колбасу вежливо поясняет:

— Ловкость рук и никакого мошенства.

По пути никто не убежал (что за интерес бежать, если не сторожат), и запрыгали по проводам на Москву радостные точки и черточки телеграммы Николая Иваныча: „Из одиннадцати никто не ушел. Опыт удался. Сергеев".

*

В коммуну собралась самая боевая ребятня. Это те, на которых поставили унылый крест педагоги и завидя которых торговки наседками садятся на свои корзинки. Это зубастые братишки, которых не возьмешь на крик и которые за словом в карман не полезут. Их-то должен завоевать Николай Иваныч. Как большевик, он берет и эту крепость. Он не дает зудеть рукам, которые чешутся, и в турбины творческого труда вводит водопады энергии и водовороты непоседливости, которые швыряли ребят на озорство.

Молотки, пилы, резаки в лапы и... крой, работай, вкалывай. Не просто ковыряйся в дереве или железе, а делай вещь, нужную и полезную.

*

Но весной, когда грязь заклеила дороги, когда не было подвоза материалов и ребята слонялись без дела, затирается буза.

Николай Иваныч двинул в Москву. Ураган хулиганства закрутил часть ребят.

Убили собаку „Кабысдоха“, как муравейник, палкой разворотили мастерские, и пока Мустафа со своей командой не перевязал погромщиков, буйство носилось и ломало все.

Николай Иваныч привез коммунарам подарок, игрушечную железную дорогу и предложил строить до станции свою.

— Славно провели время,— сказал он, глядя на разгром.

И ребята без длинных проповедей поняли, что же они натворили.

*

Прет сквозь леса и ложится через болота насыпь, прирастают к рельсам ребра шпал, железная дорога шагает вперед.

Бандитский мир в горе. „Деловые“ печально поют:

Щи горячие,
С кипяточиком,
Слезы капают
Ручеечиком.

Ведь беспризорные — карманники, домушники, все фартовые ребята — ушли в коммуну. Вслед за Мустафой Колька Свист с целым отрядом ребят явился в коммуну: „Хотим сами шить сапоги“. Бандиты остались без кадров. Неподалеку от коммуны в глухой сторожке начинают они спаивать коммунаров, и велика их радость, когда на вечерку пришел Мустафа со всем активом коммуны. В разгар пляски и гульбы коммунары выхватывают оружие и арестовывают бандитов.

*

Жизнь коммуны продолжается. Выросла железная дорога, стальными руками уцепилась за главный путь, и на завтра назначают открытие дороги, по которой первый паровоз поведет первый машинист Мустафа.

*

В тихую ночь в тумане Мустафа гонит дрезину на станцию, чтоб завтра прибыть в коммуну на первом паровозе. По дороге сторожит Мустафу бандит Фомка Жиган, он отвернул рельсы, дрезина валится с путей, и Фомка убивает Мустафу.

На другой день первый паровоз привозит в коммуну тело первого машиниста.

*

Буквами и печатными знаками очень трудно передать эту картину. Ведь бумага молчит, и кроме хруста и шелеста ничего из нее не выжмешь. А хочется заставить ее жить и шуметь так же, как живет эта замечательная картина.

Картина живая, она почти что дышит, и в ней слышишь дыхание наших дней. Она крепко показывает, что такое труд, тот труд, который в нашей стране станет „из необходимости потребностью“.

Ребят, удиравших от заплесневелой педагогики, переделывает и ставит на советскую почву труд — творческий, свободный и социалистический.

Картина правильно показывает, что мы боремся с беспризорностью, а не с беспризорными (как например заграница). Но конечно этого мало.

Ведь для того чтобы знать беспризорность, надо взять ее не как застывшую льдину, а проследить ее в ее же движении. Откуда она взялась, куда идет и к чему приходит? Где начало и к какому концу направлен путь? Вот этого нет. Когда у Кольки беспризорники убили мать, стал беспризорным и сам Колька. Значит беспризорность и есть причина беспризорности. Она сама себя породила. Так, что ли? Нет, не так, и мы знаем, какие слагаемые (война, интервенция, голод) дали своей суммой беспризорность.

*

„Путевка в жизнь“ — это первая советская звуковая картина. Все, что было до нее,— не в счет. Там кино откашливалось, прочищало горло и училось говорить. „Путевка“ заговорила, и нас радует, что и говорит, и думает, и действует она по-советски, что она двигает дело, толчок которому дал первый председатель деткомиссии — Феликс Дзержинский.

*

Картина эта — не холостой выстрел. В кино, где она идет, пришла „хевра“ (кружок, группа) из 10 беспризорных. Они принесли трешку за билеты и упросили пустить их на сеанс. Про картину они сказали такое:

— В доску своя!

— Николай Иваныч смачный парень, и по-нашему куда подходящее, чем например Мотя Бенкс.

— На-днях, а то и раньше топаем до коммуны.

Потом это проверили — и верно, ребята явились в деткомиссию. Картина попала в цель.

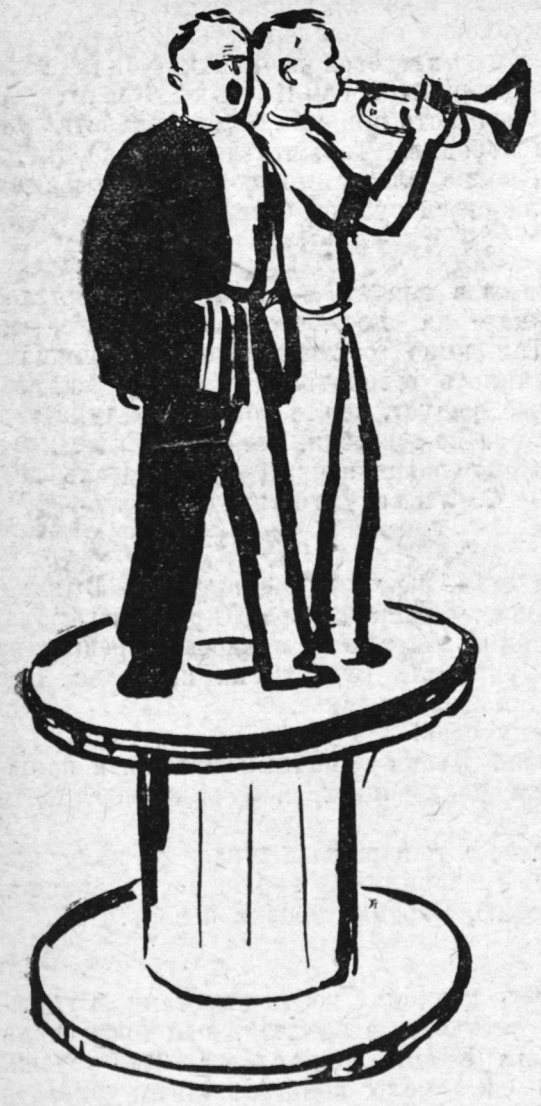
*

А нас, тех, кто спит не под мостами и укрывается не листьями, а одеялом, нас тоже очень касается эта самая „Путевка“. Ты хочешь знать, кто еще мало помогает ликвидировать язву беспризорности, так глянь в зеркало, не увидишь ли там одного такого мало помогающего? А?

Так же круто, как за безработицу, мы принялись за беспризорность, которую ВЦИК постановил ликвидировать в этом году.

Проверь, чем ты и твои товарищи помогли этому. Как руки, гуляющие по чужим карманам, они помогли поставить на станок и оторвали от улицы ее пленников.

„ПРИЕХАЛИ В КОММУНУ“



БАРАБАН

Очерк НИК. АРСЕН

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

за БАРАБАНЫ

Пышет жаром свинцовая ванна. В расплавленном свинце купают толстый кабель. Медленно, почти незаметно для глаз выползает он из ванны, как змея, и накручивается на вращающийся барабан.

Барабан — катушка в полтора метра в диаметре, а кабель — нитка толщиной в руку.

Кабель накручен, заделан конец. Барабан выкатывают из цеха в склад.

В машину вставлен новый барабан.

И все новые и новые кабели выпускаются с завода, прокладывают их в земле, тяжелой нитью натягиваются они на столбах. А испортится кабель, порвутся провода — потухнет электричество, перестанут вертеться колеса станков. Нужен новый кабель.

А что, если завод не выполнил промфинплана, ошибся в расчетах, не даст во-время кабели? Хорошо, если общественность сумеет во-время мобилизоваться на прорыв с барабанами.

Комсомольцы устроили субботник.

На грузовиках отправились в разные стороны Москвы, на предприятия, железные дороги, станции и т. д. за барабанами. Не каждое предприятие догадывается возвратить пустой барабан на завод „Электропровод“. Комсомольцы за один субботник разыскали и доставили на завод 80 барабанов.

Однажды в обед обширный двор завода огласился звуками трубы. На одном из пустых барабанов стоял трубач-пионер и играл сбор.

Вожатый отряда, Вера открыла на дворе летучее собрание.

Она сообщила о прорыве с барабанами и закончила предложением помочь заводу в этом деле.

— Комсомол предлагает нам контрольную цифру — 40 барабанов. За превышение — премию: новый барабан для отряда.

— У меня предложение, — выскочил рыжий, как огонь, пионер Чернов, — разбиться на две бригады. Каждой бригаде собрать не меньше 20 барабанов. Кто скорее соберет, та бригада получает премию.

— Да ведь барабан-то нужен всему отряду, — откликнулся кто-то.

— А желающих играть на барабане у нас много. Та бригада, которая возьмет премию, выбирает из своей среды барабанщика.

Идея принята. Отряд разбился на 2 бригады. Бригадиром первой была Вера, второй — Чернов. Бригады условились созваниваться между собой по телефону через пионербазу.

Чернов повел своих в Замоскворечье на заводы, уверяя ребят, что 20 барабанов они достанут за один прием. И правда, на дворе первого же завода в мусоре 2-я бригада нашла 4 пустых барабана.

— Ура, — торжествовал Чернов, — прошел только час с начала соревнования, а мы уже имеем четыре.

— Сейчас 12 часов, — тоненьким голоском отозвалась Нюся, только что перешедшая из октябрят в пионеры, — значит мы в 5 будем дома.

— Почему в 5?

— 4 барабана в час, значит через 5 часов у нас будет 20!

Чернов позвонил в базу:

— Зарегистрировано 4, а сколько у Веры?

— Она еще не звонила.

— Наша берет. У Верки еще ни одного.

— Кончим раньше да еще первую бригаду возьмем на буксир.

А первая бригада действительно еще не зарегистрировала ни одного барабана. Даже хуже того. Бригада не отправлялась еще в поход, а прохлаждалась в зале клуба.

Вера же сидела в базе у телефона. Изменив свой голос, она разговаривала с Черновым. Ее нисколько не взволновало, что вторая бригада нашла уже 4 барабана.

— Хороший парень Чернов, да только недогадливый, — подмигнула Вера девочкам и стала звонить в разные места.

Также не выходя из базы, по телефону, она зарегистрировала 10 барабанов на Курском вокзале и 5 на Нижегородском. Задание было выполнено на $^3/_4$.

— Барабан наш, выбирайте барабанщика, уже 15 есть. Стойте, стойте. Раньше съездим на место и посмотрим, эти ли барабаны.

А Чернову не везло. Разбив бригаду на звенья, он охватил сразу несколько предприятий. Но результаты были плачевны. Нашли всего-навсего четыре барабана. А время близилось к вечеру. Первая запросилась домой Нюся. За ней стали отставать и другие. К 4 часам у них было только 6 барабанов. Одно утешало Чернова, что у Веры, может быть, и этого нет.

— У нас шесть, а у Веры что? — и выронил трубку: — пятнадцать...

Конечно стоит ли теперь стараться, раз все равно победа останется за первой бригадой.

Вера возьмет премию, а вторую бригаду возьмут на буксир.

Но нет, этому не бывать. Пионер не должен сдаваться.

Был шестой час, в бригаде остались только старшие ребята.

— Ну, товарищи, держаться до конца.

Между тем успехи первой бригады приостановились. Телефон не помогал.

Вера разбила бригаду на звенья и разослала их в разные стороны. Но все было тщетно. Только случайно в центре города на Ильинке одно звено наткнулось на 2 пустых барабана.

— 17,— сообщила Вера на базу,— осталось три, а сколько зарегистрировала вторая бригада?

— Девятнадцать.

Чернов со своей бригадой на товарном дворе одного из вокзалов, там, где был свален всякий хлам, сразу наткнулся на тринадцать барабанов. Торжеству не было границ. Остался один барабан — пустяк.

Последний барабан никак не давался в руки. Им посоветовали поехать на пригородном поезде по линии железной дороги.

Чернов сам сел на поезд и поехал на дачи. Было 11 часов ночи, когда он высадился на одной из станций. На ночном небе рисовались трубы завода. Чернов направился к нему. Но не прошел и 100 шагов, как оступился и упал на дно глубокой канавы. Выкарабкался из нее — наткнулся на забор.

Обиднее всего, что из-за одного барабана и приходится сдаваться. Чернов опустился на землю и схватился за голову.

— Все пропало. Но ведь всего один, один... Долой слабость!— Чернов, протянув вперед руки и, осторожно ступая, стал искать выхода за забор. Вдруг руки его наткнулись на новое препятствие. В темноте смутно выделился силуэт.

Чернов руками исследовал предмет, и сердце его екнуло.

— Да ведь это барабан. Милый, дорогой 20-й барабан.

Чернов в радости обнял его руками.

— Но тут еще один, другой, третий, пять, шесть.

Через полчаса Чернов звонил в базу.

— Это ты, Чернов? Наконец-то. А мы тебя совсем потеряли! Все уже разошлись домой, окончим сбор барабанов завтра. У меня 17, а у тебя?

— Беру тебя на буксир. Не пугайся. Пой „Интернационал“. У меня 25.

— Значит, всего 42.

Отряд был премирован новым барабаном.

2-я бригада выдвинула от себя в барабанщики Чернова.

Во двор завода входил пионерский отряд. Впереди шел Чернов.

Четкой бурной дробью сыпал новый барабан.

В такт барабанного боя твердо чеканили шаг пионеры.

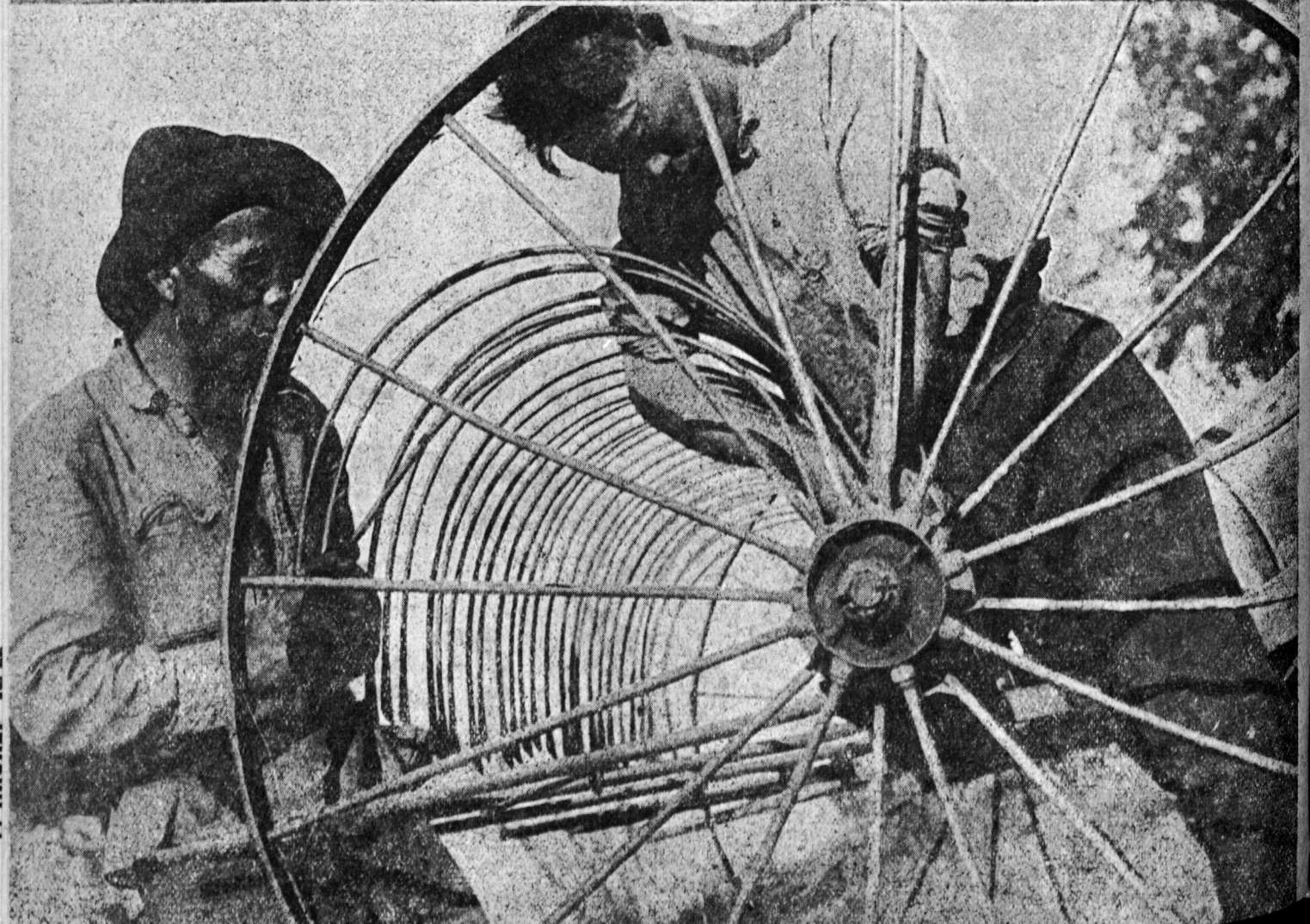
Уполном. главл. Б—8903. М. Г. — 1981. Д — 7, 2½ п. л. СтАт А4— 210 × 297 мм. З. Т. 1809.

Отпечат. в 7-й типогр. „Искра Революции“ Мосполиграфа, Арбат, Филиппов., 13.

Рукопись сдана в набор 18/VII—31 г., подписана к печати 3/VIII—31 г. Тех. ред. М. Гуревич.

15 коп.

33383



№ 22